Należytość pocztowa opłacono ryczałtem
Вторник 23 декабря 1924 г.

4-й год изд. № 790 4-й год изд.

Цѣна отдѣльн. № 17 гр

ВОЛЫНСКОЕ СЛОВО

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: злот. польск. Строка миллиметровая впереди текста 15 гр. посреди текста 40 гр. позади текста 10 гр. Страница об'явл. заним. 10 столб
Заграничн. на 50% дороже За несвоевременное печатаніе об'явленій администация не отвѣчает. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 1 мѣс. 1 зл. 50 гр. ин. 2 зл

Рукописи не возвращаются. Редактор принимает ежедневно с 12—3 дня. Контора открыта с 9—1 ч. дня и с 3—7 ч. веч ежедневно, кромѣ праздников.

Адр. редакціи и администраціи: Ровно ул. Галлера № 6 тел. 88

Ежедневная общественная, литературная и экономическая газета

Отдѣл. Варшава, Новолипье 9 кв 9

Ровно—Ковель—Владимір-Вол.—Дубно—Острог—Корец—Здолбуново—Сарны—Барановичи.

Телеграммы.

Покушеніе на патріарха Тихона.

Из Москвы передают, что нѣсколько дней тому назад в Москвѣ распространились слухи о том, будто патріарх Тихон убит в Донском монастырѣ.

По сообщенію московскаго корреспондента „Прагер Прессе“ это извѣстіе не подтвердилось, но оно имѣло свои основанія. Дѣло в том, что убит священник Полозов, один из приближенных Тихона. Убійство совершено в корридорах Донского монастыря, гдѣ живет патріарх Тихон и гдѣ имѣл свою келью также Полозов.

Убійство Полозова совершено двумя неизвѣстными, которые выстрѣлами из револьверов покончили с Полозовым. Мотивы преступленія неизвѣстны. Унесены двѣ шубы патріарха.

Однако, слухи говорят, что симуляція грабежа прикрывает другіе мотивы преступленія.

Кровавыя возстанія в Совѣтской Россіи.

БЕРЛИН 21-XII. Бухарестскій корреспондент телеграфнаго агентства Ульштейн телеграфирует, что в Бухарестѣ получены свѣдѣнія из достовѣрных источников из Одессы, что вся Сов. Россія охвачена возстаніями из за преслѣдованій Троцкаго. Вчера возстал в Одессѣ цѣлый полк и перешел на сторону Троцкаго, арестовали секретаря компартіи и заперли его в казармах. Рыков телеграфировал к командиру полка и требовал освобожденія Салина. Командир полка отвѣтил, что он освободит Салина только при условіи, что Салин будет отстранен от занимаемаго им поста и даст обязательство не вмѣшиваться в политическую жизнь.

Рыков на этот ультиматум не согласился и послал приказ Правительству Совѣтской Украины о немедленном освобожденіи Салина.

Между милиціей и сторонниками Троцкаго произошла кровавая стычка, с обѣих сторон есть много жертв. Кромѣ того сообщают, что сторонники Троцкаго заняли всѣ учрежденія Нижняго Новгорода, Казани и многих других городов,

Во многих мѣстах произошли кровавыя стычки между Троцкистами и „Тройкистами“ (Рыков, Зиновьев и Сталин).

Гнѣв—плохой совѣтчик.

В отвѣт на статью „Печальное недоразумѣніе“ (Вол. Сл. № 788) „Echo Rowieńskie“ в № 41, помѣстило 2 статьи.

Первая озаглавленная „Еще о луцком театрѣ“, начинается словами:

„По полученію болѣе подробных свѣдѣній по дѣлу перенесенія спектакля Луцкаго Городского Театра из помѣщенія Сокола в т. Зафрана. Наша редакція позволяет себѣ подтвердить, что вся исторія оказалась в значительной степени основанной на недоразумѣніе.

Заключительная часть статьи гласит: „Мы со своей стороны всѣми силами поддержим это дѣло (луцкій театр) и можем увѣрить г. Зелинскаго, что „наши слова” (ковычки наши) в прошлой статьѣ были вызваны искренней болью и заботой о благѣ „polskości“ в Ровно, но отнюдь не желаніем причинить огорченіе президенту г. Зелинскому, как президенту и предсѣдателю „Сокола“.

Как помнят наши читатели „наши слова“ о которых упоминает автор заключались в том, что в статьѣ озаглавленной „Hańba” в № 40 газ. „E. R.” заявила, что в знак протеста, по поводу перенесенія спектакля из залы Сокола в т. Зафрана „E. R.” не будет помѣщать отзывов о спектаклях луцкой труппы при чем было заявлено, что польское общество постановило бойкотировать польскій театр.

„Вол. Слово“ в замѣткѣ „Печальное недоразумѣніе“ очень осторожно высказало свое изумленіе по поводу такого выступленія „E. R.“, при чем как и видно из заголовка полагало, что тут кроется какое-то недоразумѣніе.

Из выдержек приведенных выше, читатели могут убѣдиться, что редакція „E. R.“ признала справедливость предположеній „Вол. Слова“.

Казалось-бы что на этом можно было закончить, ибо по существу, или благодаря нашему вмѣшательству или по собственной иниціативѣ „E.R.” измѣнило свое отношеніе к Луцкому Театру, но на дѣлѣ оказалось не так.

Кромѣ статьи из которой мы выше привели нѣсколько выдержек в том-же номерѣ оказалось помѣщенной вторая статья озаглавленная: „Отвѣт Волынскому Слову“ в котором послѣ изложенія мотивов вызвавших статью „Hańba” автор прямо обращается к нам в тонѣ старшаго к младшему.

Вот дословный перевод этого нравоученія:

„А теперь нѣсколько слов Волынскому Слову!

„Прежде всего нас крайне удивляет, что подчеркнутая нами нецѣлесообразность перенесенія спектакля польской труппы из Сокола к Зафрану и правильность отрицательнаго отношенія к этому польскаго общестра разсматривается „Вол. Сл.” как вообще бойкот польскаго театра.

„Вообще о бойкотѣ” Вол. Сл. ничего не говорило и свое крайнее удивленіе по этому поводу „E. R.” должно отнести к собственному желанію свалить вину с больной головы на здоровую. На самом дѣлѣ Вол. Слово только выразило огорченіе по поводу того что „E. R.” об‘явило бойкот, а это ясно было выражено тѣм, что редакція присоединяется к бойкоту.

Это-ли не бойкот?

Дальше от выраженія крайняго удивленія „E. R.“ переходит просто к выговору:

„Не подлежит обсужденію, что в польских дѣлах и в дѣлѣ развитія польской культуры мы совершенно не нуждаемся в указаніях „братьев славян“. Наши домашнія недоразумѣнія если бы таковыя оказались мы всегда сможем уладить между собой без непрошенной помощи, тѣм болѣе, что в данном случаѣ мы идем рука об руку с польским театром для его блага и развитія (!?)

„В заключеніи можем посовѣтовать „Вол. Слову” не вмѣшиваться в дѣло обороны „polskości” так как это носит спецефически странный характер.

Оказывается, что в государствѣ гдѣ отмѣнена предварительная цензура есть однако органы, которые могут „совѣтовать“ о чем можно и о чем нельзя писать,—благодарю не ожидал. Кромѣ того об оборонѣ polskości и рѣчи не было, говорилось об небывалом призывѣ к бойкоту...

Но это не важно, постараемся разобраться в пожеланіи „E. R.“

В Польшѣ, польскіе театры польскіе магистраты, польскіе жел.-дороги, польская полиція, воздух, земля и вода, все польское... о чем-же можно нам бѣдным русским писать?

По мнѣнію „E. R.” обо всем этом мы не имѣет право писать, ибо по всѣм правилам логики если нельзя писать о польском театрѣ, то нельзя писать и о польском магистратѣ и польском войскѣ.

Но почему-же редакція „E. R.” не возмутилась когда, Вол. Слово“ помѣстило воззваніе Рождественскаго Комитета жертвовать на елку солдатам Пограничнаго Корпуса, почему по генеральски не „посовѣтовало“ „Вол. Слову“ не вмѣшиваться не в свое дѣло, т. к. пограничный корпус—это польскій корпус?

Очень просто, — потому что не было основаній сердиться, ну а всѣ знают, что „Юпитер если ты сердишся—ты не прав“

Не пора-ли прекратить это нагроможденіе печальных недоразумѣній?

Отцы и матери убитых перед Гаарманом.

Процесс Гаармана в Ганноверѣ продолжается, каждый день открываются новыя потрясающія подробности. По послѣдним свѣдѣніям преступник варил бульон из костей своих жертв, а мясо продавал. А Глѣбов в газ. „Сегодня“, дает красочную картину допроса родителей убитых.

...Может быть, это самый жуткій момент процесса. Напряженіе чувствуется и в чуть дрожащем голосѣ, всегда ровнаго и владѣющаго собой предсѣдателя — и в смутном говорѣ, похожим на встревоженное пчелиное гудѣніе, публики. Напряженіе, даже страх, больше того! — безграничный испуг — чувствуется и в самом Гаарманѣ. Еще два полицейских и штатскій „уголовный комиссар“ (кромѣ сидящих уже рядом с ним) — располагаются впереди, вдоль скамьи подсудимых... За Гаармана боятся. Его охраняют. Это начался допрос самых важных свидѣтелей: явились родители убитых мальчиков Обыкновенные свидѣтели: — сосѣди, знакомые, сыщики, хозяйки — уже отговорили свое. Начинается самое главное: пришли матери и отцы.

Вот это самый страшный миг: — на короткую секунду скользнули глаза отца Витцеля по Гаарману, как-то боком, наискосок. И тот, спрятанный за людскою изгородью, за полицейскими касками, на миг, на короткую секунду отвел глаза. И всѣ поняли, что это и есть самое страшное в этом жутком и тяжком процессѣ. Отец Витцеля говорит не подавленно, не убито, не покорно: — нѣт, он бунтует. Он смотрит упорно на предсѣдателя, держит как-то неестественно, напряженно, словно застывшую, деревянную. Не поворачивает головы. Не скшивает глаз. Почему? Тут-же рядом, на столѣ „вещественных доказательств“ череп его сына, тот самый, неправильной формы, с рубцом на лбу и платиновою коронкою зуба... ну, словом, тот самый, который он тогда сразу опознал.

„Да! я его сразу опознал.. Я им сказал это в полиціи Сына моего видѣли в послѣдній раз с Гаарманом. А потом сразу вот эта челюсть, вот этот череп. Я узнал. Я говорил. Я кричал. И все-таки... все таки Гаармана оставляют на свободѣ. Пять долгих мѣсяцев на свободѣ... Кто виноват вот в этом? В этом кто виноват я спрашиваю, а?“.

Тянутся руки стараго отца. И молчит на секунду весь зал Молчит предсѣдатель и прокурор, и защитники. Всѣ молчат Никто не кашлянул даже в залѣ: — такая тишина. Жуткій процесс. Страшный процесс.

И в эту случайную паузу, в тишину судебнаго зала — вдруг врывается громкій говор крик, возбужденные голоса из корридора. Это мать убитаго Эриста (жена допрашиваемаго свидѣтеля), не хочет пред входом в зал подвергаться обыску. Слышны голоса: — „Но, вѣдь, это распоряженіе предсѣдателя... „Я не дам себя обыскивать...“ — „Мы должны убѣдиться в том, что у вас нѣт оружія...“ — „Там мой муж говорит...о сынѣ.... Понимаете? О моем сынѣ... Я должна быть там... Да? Я—мать..“

Всѣ притихли и слушают этот крикливый, царапающій діалог у дверей. И опять молчит предсѣдатель. Опять молчат защитники и прокурор. И не похашливает, не шевелится публика. Страшный процесс...

И снова вызывают хозяйку Энгель. И снова разсказ о том что Гаарман всегда имѣл мясо варил студень... „Снимал жир, г-н предсѣдатель, в разливал жир по бутылкам. А оставшееся и было студнем. Понимаете? И колбасу он всегда дѣлал...“ — „Чтож-ж это было обыкновенное воловье мясо?“ „Нѣт, что вы?” и свидѣтельница тоже как то странно вперившись, точно боясь чего-то, смотрит на предсѣдателя. „Бѣлое какое-то, свѣтлое. кусками сантиметра по два... И стучал он чего то... всегда стучал... словно колол что-то и рубил... Перед судом мать убитаго Вилли Шульце.

Ей предлагают „опознать“ вещи сына.

Протянула дрожащія руки за этими обрывочками, за этим старым тряпьем, одеждой своего Вилли, своего маленькаго Вилли, — погладила, взглянула — и всматриваться не надо было! — узнала. Ну да это его костюм“... Прижала к себѣ это тряпье, точно отдавать его обратно не хотѣла. Опустилась на стул как-то сразу словно упала. „Да... это его вещи“.

— Слышали-ли вы с тѣх пор что-либо о своем сынѣ?

Ничего не отвѣчает. Машет горестно головой. Отрицательно.

Это — мать, не могущая произнести ни слова. Мать, сраженная горем, раздавленная. На секунду в залѣ совсѣм тихо. Вот онѣ гдѣ, самыя главныя, 27 пострадавших этого процесса. „Им не поднять своих очей...” ...Как не поднять плакучей ивѣ — своих поникнувших вѣтвей...“ „То слезы бѣдных матерей...“

И ее больше не допрашивают. О чем уж тут говорить? И что прибавишь к уже сказанному? И что исправишь в уже содѣянном?

И еще один. Отец. Аптекарь Гух.

Говорит осторожно, тихо, еле слышно, шопотком словно кто спит в этой комнатѣ—словно он кого боится спугнуть. Но развѣ это не так? Развѣ там, вот, на этом кладбищѣ,— открыто и неуспокоенно, —не бѣлѣют кости его сына. Лобная, височная, тазовая, бедренная...

Аптекарь Гух говорит тихо, словно по секрету одному предсѣдателю — и боится скосить глаз: тут рядом сын. И вправо тоже не хочется повернуться: там, среди тряпья, одежда его Виллибальда. — „Я сразу побѣжал туда, когда увидѣл, что прошло два дня, а его все нѣт Прямо к комиссару. Фон-Лонскій его зовут. — Что-же вы думаете, сказал он мнѣ, мы только существуем для вашего сына? Если-б здѣсь было явное убійство, — тогда другое дѣло. А из-за напроказившаго и сбѣжавшаго куда-то мальчишки не буду же я весь свой аппарат пускать в ход?... Вот что мнѣ сказали. И вот что из этого вышло“.

Отец убитаго Франке пытается стоят пред предсѣдателем браво, по солдатски — но это ему плохо удается: — он сгорблен, подавлен — он иногда шатается и держится тогда за спинку стула. Отвѣчает он отчетливо, ясно — то срывающимся, каким-то хрупким голосом. Потом поварачивается, — кругом марш — тоже по солдатски и рѣшительно идет к скамьѣ подсудимых. В залѣ движенiе. Кто-то вскрикнул. Полицейские пред Гаарманом — привстали.

Но отец останавливается за шаг до скамьи. Он протягивает руку. Нѣт, — в ней нѣт револьвера. Наоборот, он просит, — просит глухим, надтреснутым голосом: „Прошу мнѣ дать карточку сына. Она у вас есть". Это он обращается к защитнику. Тот смотрит вопросительно на предсѣдателя. Чуть замѣтный кивок. Карточку ему выдают. Может быть это не очень бюрократически и не в точности по всѣм правилам процессуальности, — но предсѣдатель знает, кто самый главный потерпѣвшiй. И опять на секунду пауза. Гулкiе шаги свидѣтеля — обратно к столу предсѣдателя. Опять стоит на вытяжку и говорит глухим, пронизанным, безконечным теплым голосом такiя обыденныя такiя казарменныя слова: „Покорнѣйше благодарю". Но это отец благодарит за карточку сына.

И опять всѣ стихли. Не даешь своим слезам тоже странно играющимся, „воли". Только мурашки пробѣгают по спинѣ. Полуоборот. Гулкiе шаги по залу к корридору. Допрос кончен. Засѣданiе продолжается.

Суд пред'являет Гаарману для опознанiя часть вещей убитых мальчиков.

Нѣ-ѣт, извините... У меня тоже есть вкус. Я-бы с мальчишкой, одѣтым в такую деревенскую дрянь и вечера-бы не провел. Посмотрите, г-н предсѣдатель, что за работа...

И Гаарман брезгливо показывает на сѣренькую, простую карточку, похожую на солдатскую. Еще держит перед ним служитель суда.

— Признаете? Гаарман... — И предсѣдатель начинает говорить с ним тѣм наполовину — злостным, но и наполовину — мягким тоном, который он усвоил себѣ за эти дни.

Гаарман прискакивает и начинает говорить торопливо, почти задыхаясь:

— Но, вѣдь, нѣт, нѣт... Я этого Вольфа не знаю, не помню... Покажите мнѣ другую карточку, или френч, или бриджи... но, вѣдь, с таким мужиком я бы не ходил... У меня есть вкус... Да, да...

Мнѣ все равно — взять ли на себя этого Вольфа или нѣт... Одним меньше или десятью больше... головы, вѣдь, я своей уже не спасу (он говорит это спокойно и без всякой аффектацiи: — видимо, гдѣ-то в глубинѣ он уже все понял и рѣшил дѣло — вынес приговор). Вы посмотрите только... Заплата на рукавѣ, подшитая упаковочной веревкой, бичевкой. Вѣдь у меня есть вкус.

Гаарману показывают фотографiю Вольфа.

— Нѣт, не помню, не знаю. Костюм-бы мнѣ, а так я не помню...

И утомленный, недовольный точно завявшiй -- он садится.

Вообще эти колебанiя настроенiя то внезапные взрывы жуткой веселости, почти смѣшливости, — то грустная апатiя вялость, безучастность — очень характерны для этого женственнаго убiйцы.

У свидѣтельскаго пюпитра Отто Граф—брат пропавшаго в Ганноверѣ без вѣсти Рихарда Графа. Он разсказывает, что братья жили одиноко. Слѣдить за воспитанiем Рихарда было трудно. Он сблизился с сомнительными элементами. В послѣднiй вечер разсказывал, что познакомился на вокзалѣ с „занятным типом". Послѣ ужина ушел и... пропал навсегда. Кончив разсказ свидѣтель как-то откровенно и безпомощно прибавляет:

— Все таки я ничего не пойму. Что-же мой брат убит Гаарманом или нѣт? Что именно установленно, г-н предсѣдатель?

Предсѣдатель мягко поясняет:

— Видите ли, здѣсь надо исходить не из человѣка, а от вещи. Если вы узнаете эти вещи и признаете, что они принадлежат брату, то стало быть Гаарман убил вашего брата, ибо он признает, что мальчик в этом костюмѣ пал его жертвой...

Из-за плеча полицейскаго выглядывает Гаарман и одобрительно кивает головой. Да, да, именно так. Ему нравится, как предсѣдатель, ведет дѣло. Удовлетворенность предсѣдателем написана на лицѣ Гаармана. Он откидывается и даже чуть-чуть, одними морщинами лица—улыбается. Смотрит куда-то в даль, в пустоту. Опять „отсутствует"...

Мѣстная жизнь

ЗДОЛБУНОВСКОЕ СТАРОСТВО,

По имѣющимся свѣдѣнiям в ближайшем будущем осуществится перенесенiе староства из Острога в Здолбуново. Пост старосты как передают предложен бывшему ровенскому старостѣ г. Сплава — Нейману.

АВТОМОБИЛЬНОЕ ГОРОДСКОЕ СООБЩЕНIЕ.

Появившiеся недавно на улицах Ровно автомобили с вывѣсками — „конец 1 злотый" особым успѣхом не пользуются и публика с большой охотой обращается к старым знакомым извозчикам.

НОВАЯ БОЛѢЗНЬ.

Нам сообщают что вот уже около двух мѣсяцев как в Луцкѣ появилась новая неизвѣстная заразная болѣзнь. Послѣ повышенiя температуры опухает лицо и появляется сыпь.

Др. Бейлин по этому поводу пишет в „P. Woł.", что зараженiе организма происходит через пищевод.

Болѣзнь распространяется с молнiеносной быстротой на всѣх окружающих больного не зависимо от пола и возраста. Единственной возможностью предохранить окружающих от заболѣванiя является немедленная и полная изоляцiя больного, а если это неосуществимо, то надо прекратить пользованiе общей посудой дезинфецировать испражненiя больного и наблюдать за мытьем и дезинфекцiей рук.

ГАЗЕТНЫЕ КIОСКИ.

На этих днях в магистратѣ состоялись торги на право возведенiя городского кiоска для торговли газетами.

На сколько извѣстно всего газетных кiосков будет 7.

ТЕМНОТА.

Наши читатели просят отмѣтить, что за послѣдне время городская электрическая станцiя часто начинает „пошаливать".

„Отмѣчая", выражаем надежду что завѣдующим станцiей уже вѣроятно приняты мѣры к прекращенiю подобнаго рода явленiй. Кромѣ того жители города никак не могут разобраться до какого часа должно горѣть электричество, а это очень неудобно.

ПОДРОБНОСТИ ГРАБЕЖА.

Слѣдствiем выяснено, что нападенiе произведенное 27-XI на Петра Каминскаго по дорогѣ к дер. Морозовки, Корецкой волости двумя неизвѣстными бандитами, из которых один был вооружен револьвером, представляется слѣдующим образом. Бандиты освѣтили Каминскаго электрическим фонарем, подошли к нему и подвергли обыску. Забрав у него 75 долларов бандиты скрылись. О том, что Каминскiй мог имѣть доллары было извѣстно благодаря цѣнному письму в 50 долларов полученному Каминским из Америки в сентябрѣ с. г.

ЗАКРЫТIЕ БАНКА.

По полученным свѣдѣнiям 1-го января 1925 г. в Ровно закрывается отдѣленiе Промышленнаго Банка ул. 3 мая 90.

ОТРАВЛЕНIЕ

„На Николая" двое ж.-д. рабочих Николай Николайчук проживающiй на Бѣлой улицѣ и Греков работали на перешивкѣ путей.

Перед обѣдом, около 12 ч. дня Николайчук будучи именинником пригласил к себѣ на квартиру Грекова чтобы по случаю праздника выпить и закусить.

Через нѣкоторое время встревоженные рабочiе видя что Николайчук и Греков не возвращаются пошли узнать в чем дѣло и увидѣли потрясающую картину.

В квартирѣ Николайчука за столом на котором стояла на половину выпитая бутылка водки и лежала закуска и хлѣб, сидѣли два трупа, с мутными глазами глядящими в пространство.

Об отравленiи было немедленно сообщено в полицiю которая ведет энергичное разслѣдованiе.

Трупы доставлены для вскрытiя в Еврейскую больницу.

В ЧУЖИХ ШТАНАХ.

По поступившим сегодня свѣдѣнiям из компетентнаго источника случай описанный в замѣткѣ „В чужих штанах" не имѣет никакого отношенiя к семьѣ г. Бринда.

ВОЗРОЖДЕНIЕ КООПЕРАЦIИ

22 декабря в 7 час. вечера в залѣ гарнизоннаго офицерскаго собранiя состоялась лекцiя и инструкцiонное собранiе на тему о кооперацiи.

На лекцiю были приглашены представители кооперативов г. Ровно.

Письмо в редакцiю.

М. Г. г. Редактор!

Прошу не отказать помѣстить мое письмо в одном из ближайших номеров Вашей уважаемой газеты.

Прочитавши в Вашей уважаемой газетѣ за № 788 замѣтку с моей лекцiи на тему „Общественная медицина и ея задачи", которая состоялась 13 декабря с. г. в Обществѣ „Тоз", с изумленiем констатировала, что лицо написавшее эту замѣтку не только на моей лекцiи не присутствовало, но даже не нашло нужным логически придумать тѣ нѣсколько строк, которыя оно помѣстило в газетѣ.

Автор замѣтки пишет, что лектор закончил пожеланiем чтобы ряд таких лекцiй был бы прочтен на украинском и русском языках.

Каждый логически мыслящiй человѣк поймет, что врач работающiй на поприщѣ еврейской общественной медицины в обществѣ „Тоз" не станет проповѣдывать украинскаго и русскаго языков для еврейских народных масс.

Примите увѣренiя в совершенном почтенiи

Д-р Пик-Храмой.

— —

P. S. От редакцiи. Логичность заявленiя Д-ра Пик-Храмой нельзя не признать, очевидно рецензент В. С. был введен в заблужденiе одним из присутствовавших на лекцiи.

Цирк.

20 декабря послѣ мѣсячнаго пребыванiя цирка в Ровно, состоялся бенефис директора цирка Л. Просерпи. 21 декабря состоялось полное повторенiе бенефисной программы, которое прошло с не меньшим успѣхом.

К началу представленiя цирк был переполнен, причем надлежит отмѣтить, что ложи и первые ряды были заняты аристократическим обществом нашего города.

Бенефисная программа была составлена очень удачно и разнообразно. В нее вошло много новых дебютов.

Бенефицiант опытный наѣздник, большой знаток, и любитель конскаго дѣла, всей своей душой слился с тѣми благородными животными, которых вывел на арену, которыми управлял, движенiя которых зависили от одного его слова, от одного его взгляда, или даже от одного щелканiя бича.

Сидя на лошади, бенефицiант показал чудную школу верховой ѣзды в соучастiи г. Канцлера и двух бр. Фрателини. Безподобная вольтижировка бенефицiанта при участiи своей очаровательной супруги, г.г. Шарля, Альфонса и Макси Фрателлини, произвела колоссальное впечатлѣнiе особенно послѣ того как всѣ 5 артистов без всякаго труда очутились на одной лошади.

Бенефицiант работал восьмеркой прекрасно дрессированных лошадей, а затѣм—чудной золотисто-каштановой масти с черной гривой и черным длинным хвостом, лошадью. Красота лошади превосходила всякое понятiе о красотѣ животных.

Бенефицiанту была устроена шумная и долго несмолкавшая овацiя.

Большое стеченiе публики и шумные апплодисменты подняли настроенiе артистов, которые вообще стоят на высотѣ своего призванiя.

Переходя к отчету о программных номерах, приходится задать такой вопрос: „как можно оцѣнить циркового артиста, что можно сказать о цирковом искусствѣ?" — О драматическом артистѣ говорят: „Он провел свою роль неподражаемо, плакал настоящими слезами, дал полное впечатлѣнiе переживаемаго героем ужаса...; Про оперного артиста говорят: „Хороши верхнiя ноты ритм, дикцiя, виден талант..." А что же можно сказать про циркового артиста? „Чудно исполнил свой номер, чисто и отчетливо работал; — удаль и отвага..." А о талантѣ — ничего? цирковый артист никогда не услышит настоящей оцѣнки своего искусства, потому что нѣт еще таких слов которыя бы могли опредѣлить его! Для этого нужно быть в циркѣ и прислушиватьтя к бiенiю своего сердца и к восторгам своей души.

В театр идут исключительно любители и цѣнители искусства, в цирк же идет еще одна категорiя публики — так называемая „цирковая" публика, „публика на галерку" старающаяся прошмыгнуть без билета, но не надо думать, что их переживанiя уступают переживанiям публики из партера, наоборот, таких шумных восторгов не знает ни одно зрѣлище кромѣ развѣ боя быков.

В цирковой репертуар входит и драма, и опера, и комедiя, и трагедiя, и фарс, и оперетка и сатира. И все это дают тѣ же самые цирковые артисты, таланты которых зачастую, остаются не замѣченными. Славу прiобрѣтают лишь немногие из „малых сих", как напримѣр любимцы всего свѣта, нужно добавить, талантливые Бим-Бом.

А что-же сказать о воздушном акробатѣ, который каждую минуту подвергает свою, свою собственную жизнь, а не жизнь героя драматическаго произведенiя опасности? — Тренировка? — Нѣт! Талант! Талант к сожалѣнiю еще в наше время не понятый и неоцѣненный. А поэтому не давая оцѣнки каждаго отдѣльнаго артиста, принявшаго участiе в бенефисной программѣ мы посовѣтуем вопреки совѣту Бима — придя из цирка заиграть на газетѣ — задуматься над цирковым искусством.

А. Ш.

Типографія [illegible] Ровно, [illegible] 2

Редактор Издатель И. Мухин